

1

3 февраля 2010 г.

Наступило какое-то оцепенение. От шока почему-то появилось много сил, и она, как ей тогда казалось, могла просидеть на холодной лестнице еще долго, до скончания века, что называется. Она забралась на пролет выше, устроилась на самой верхней ступеньке, неподалеку от мусоропровода, и не отводила взгляда от интересующей ее двери. Иногда ей начинало казаться, будто бы дверь расплывается, покачивается, становится мутновато-мармеладной, и стоит только приблизиться к ней и попробовать шагнуть, как нога увязнет в тугий мягкости, а там... Вот о том, что происходило за дверью, она старалась не думать. Было страшно и очень больно. А еще она злилась, она никак не могла понять, как могло произойти, что ей, и без того невезучей и несчастной уже по факту своего рождения, приходится теперь терпеть и это. За что? Почему одним — все, а другим — ничего? Некоторые сейчас сидят в теплой квартирке и попивают чаек (или кофе, или шампанское, или просто красное вино), прислушиваясь к биению сердец и к завыванию февральского ветра за окном. А дру-

гим (ей, к примеру) приходится сидеть на ледяной лестнице и завывать самой от боли и унижения?.. Неужели мир устроен таким образом, что в нем нет порядка и никто там, наверху, не контролирует распределение счастья и горя? Кто-то не может закрыть холодильник из-за того, что он переполнен, а другие страдают от элементарного голода?

Сначала замерзли пальцы рук. Не спасали даже перчатки, и Тина пожалела, что не надела толстые вязаные варежки. Потом стали немать ноги, обутые в меховые ботинки. Тонкие и вполне даже ничего выглядевшие ботиночки на натуральном меху. Ну не в валенках же ей было сюда приходиться? Потом она сама, как ей казалось, начала примерзать к ступеням.

И вот приблизительно тогда-то и раздался звук отпираемой двери и легкие шаги. Она почему-то сразу подумала, что это Тамарка идет выбрасывать мусор. И кто только придумал эти мусоропроводы? Эти вонючие колодцы отбросов, в которых благополучно жиреют крысы? Очень страшное место, если разобраться, просто дьявольское. Не зря же именно туда отчаявшиеся молодые мамы выбрасывают своих нежеланных новорожденных детей...

— Тина? — У пахнувшей домашними пирогами Тамары округлились глаза. — Зачем ты здесь? И давно?

— Давно... Сама знаешь.

— А чего ко мне-то не зашла?

— Зачем?

— Ну... Поговорить, погреться. Да ты сошла с ума! Нельзя так! Ты же придатки застудишь! Или вообще схватишь воспаление легких и умрешь! Чего ты этим добьешься?

— Одной дурой станет меньше... И в классе одной бездарной ученицей — тоже.

— Ну, точно дура. Быстро поднимайся, и пойдём ко мне...

— Нет. Я не пойду.

— Но ты же замерзнешь!

— И пусть!

Она почувствовала, как к лицу прилила кровь и в глазах защипало. Еще немного, и она разрыдается здесь, на лестнице, чего уж никак нельзя допустить.

Между тем Тамара деловито взяла ее за руку и потянула на себя.

— Быстро поднимайся. Не сходи с ума, Тина! Он этого не стоит. Прошу тебя, пойдём, иначе может случиться непоправимое... На улице холод и ветер... ты на самом деле можешь простудиться. А я-то дура какая! Зачем позвонила и рассказала? Теперь, если что случится, я себя винить буду. Тина, пожалуйста, вставай!

— У тебя родители, я не могу... Что скажу?

— Да что особенного в том, что ко мне пришла подружка с ночевкой? Подумаешь? Обычное дело!

Тина уступила. Инстинкт самосохранения дал себя знать. К тому же она так ясно представила себе, как уже входит с Тamarой в ее теплую квартиру, как забирается в ванну, до краев наполненную горячей водой.

— Да, ты права... — в голосе ее звучали слезы. — Только ванну мне налей... И чтобы вода была горячая... Я не знаю, что со мной, но так хочется в горячую воду...

— Вот умница. Пойдем-пойдем... Бедняжка... А я-то хороша?!

Уже перед тем как войти в квартиру Тамары, Тина обернулась и последний раз взглянула на дверь, которая сейчас выглядела огромной, нелепой и почему-то страшной.

— Пойдем, мама уже спит, мы с тобой, после того, как ты, конечно, согреешься, попьем чаю. Мама испекла такие пирожки... И вообще, Тина, жизнь прекрасна...

«Только не для меня», — с горечью подумала Тина и судорожно вздохнула.

2

4 февраля 2010 г.

Вот уже два дня как они гостили в Москве. Валерий Николаевич, старинный друг мужа, пригласил на юбилей. Ирина откровенно скучала,

поскольку за столом (холеному розовощекому человеку с ухватками успешного бизнесмена исполнилось пятьдесят лет) не было ни одного знакомого лица. Не с кем поговорить, да и желания знакомиться, скажем, с женами приятелей Валеры, тоже не было. Все они, москвички, казались Ирине чужими, заносчивыми и недоброжелательными. Однако надо же было получать удовольствие хотя бы гастрономического толка, поэтому она, забыв про свои саратовские диеты и привычный образ жизни, спокойно поела вкуснейшие салаты, закуски, сравнивая их с тем, что готовила сама.

Несмотря на то, что Валерий Николаевич мог бы себе позволить отметить юбилей в каком-нибудь дорогом московском ресторане, семья решила пригласить самых близких друзей и родственников домой. Поэтому на столе было много самодельных овощных консервов и вкусных пирогов. Ирина, женщина волевая, при других обстоятельствах ограничилась бы легкой и низкокалорийной едой. Здесь же, среди чужих людей, которые уж точно не стали бы упрекать ее, что она нарушила диету, она могла без оглядки позволить себе жирный окорок, курочку, сладости.

Первую ночь после застолья ночевали в этой же квартире, в спальне хозяев. Многочисленные родственники разошлись-разъехались по домам. Хозяйка, жена Валерия, Катя, долго не могла ус-

нуть, Ирина слышала, как она продолжает прибираться на кухне. Конечно, можно было выйти из спальни, предложить свою помощь, но простой женской работой это не ограничилось бы. Вытирая тарелки и фужеры, она непременно должна была бы отвечать на дежурные вопросы Кати, выслушивать какие-то истории. А Ирине этого не хотелось. Она уже давно приняла решение держаться от чужих людей подальше. У нее было две подруги, три приятельницы, проверенные и порядочные женщины, и этого общества Ирине хватало с избытком. К чему новое знакомство, погружение в чужую семью? Или — того хуже — воспоминания, связанные с темой студенческой дружбы мужей? Точнее даже, не воспоминания, а попытка предстать в роли всезнающей женушки. На самом деле она наверняка ничего не знает. Как и Ирина. Зачем ворошить старое?

Павел уже давно спал, сладко похрапывая во сне, и Ирина, разглядывая освещенное ночником лицо мужа, поймала себя на том, что жалеет его, понимает его желание подольше задержаться в Москве. Ведь там, в Саратове, ни одной свободной минуты. Даже дома его одолевают звонки. Он крупный чиновник, уважаемый в городе человек, его день расписан по минутам. Здесь же его никто не достает. Он с самого начала решил, что отключит свои телефоны — он уехал к другу

на юбилей и все. В родном городе его нет и не будет в ближайшие несколько дней. Каждый имеет право на личную жизнь. И не для того он приложил так много усилий, во многом себе отказывал, карабкаясь по чиновничьей лестнице, чтобы не иметь возможности просто отдохнуть.

Ирина склонилась над мужем и поцеловала его в щеку. Запах алкоголя, смешанный с запахом его духов. Приятно. Она провела ладонью по его волосам, затем еще и еще... Ты самый лучший мужчина в мире. Так она говорила ему в самые нежные минуты их близости.

Хотелось прижаться к нему и заснуть. Но сна не было. А это означало, что она только будет ворочаться рядом со спящим мужем, пока не разбудит его. Значит, надо занять себя чем-то, навевающим тему. Но чем?

Ирина поднялась с постели, села на кровати и оглядела еще раз придирчивым взглядом хозяйскую спальню. Нет, она не любила этот современный стиль — геометрия в черно-белых тонах, шкура зебры напротив железной кровати, лампа черного цвета. Холодные белые стены, ниши в стенах, заполненные сомнительными безделушками, белый ковер под ногами. Нет, не хотела бы она жить в таком доме. Здесь нет тепла, нет уюта, хотя наверняка все это стоит больших денег. Другое дело ее итальянская спальня с широкой деревянной кроватью с резной спинкой, туалетный

столик с зеркалом в рамке (настоящее произведение мебельного искусства!), пухлые мягкие кресла, настоящий персидский ковер!

И вдруг что-то произошло. Она и не сразу поняла что. Просто где-то в груди, внутри, все похолодело, и такая страшная тоска охватила, что стало страшно. Нехорошее предчувствие. Леденящий душу ужас. Что это? Откуда взялось? Ведь еще недавно она чувствовала себя счастливой и душа была спокойна. Она вспоминала застолье только для того, чтобы лишний раз признаться себе, что ее Паша — самый красивый и представительный мужчина из всех, кого она увидела на юбилее. Потом мысли ее унеслись домой, она вспомнила свою спальню, свой дом, дочь...

Вот. Вот откуда паника: страх за близкого человека. За Милу.

Нарастающий ужас был так велик, что Ирина, забыв, как только что думала о праве мужа отдохнуть, принялась безжалостно расталкивать его.

— Паша, Паша! Да проснись же ты! Так тревожно на душе... Как там Мила? У меня какое-то нехорошее предчувствие...

Павел что-то эмоционально, громко, но не просыпаясь, ответил, перевернулся на другой бок и захрапел снова.

— Паша... — зашипела на него жена. — Паша, проснись!!! Давай позвоним Миле!!!

И потом вдруг, на мгновение придя в себя, поняла, что может и сама позвонить дочери. Ничего, что звонок ночной. Лучше уж разбудить Милу и успокоиться, услышав ее голос, чем сходить с ума от неведения.

Успокаивая себя, Ирина отошла к окну, набрала номер.

Мила долго не отвечала, и Ирина, глядя на застывшие в февральском ночном оцепенении многоэтажки с редкими леденцово-слезящимися оранжевыми и желтыми окнами, представляла себе пустую девичью постель, распахнутое в ночь, в зимнюю пургу, окно...

Когда вдруг в телефоне щелкнуло и она услышала сонный и недовольный голос дочери, сердце ее бухнуло, замерло, а потом, придя в норму, вернулось к своему прежнему ровному ритму.

— Ма, ты чего? — простонала Мила, и Ирина представила ее себе — с распущенными волосами, в пижаме, с закрытыми глазами и сморщенным в капризной гримаске носиком. Такую хорошенькую, родную...

— Да так... Милочка... Сон нехороший приснился, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Ты на часы смотрела? Почти два ночи!

— Ну извини... Вот когда будешь мамой, вспомнишь меня... Понимаешь, я соскучилась... Как-то непривычно, что мы уже два дня в гостях... Одно дело, у наших знакомых, и совсем

другое — здесь, я же здесь никого не знаю... Так скучно... Хотя люди, конечно, хорошие...

— Ты хочешь поделиться со мной впечатлениями? — оборвала ее Мила. — Я спать хочу... У меня даже глаза закрыты! Не открываются...

— Все-все, извини... Спокойной ночи...

— Вы когда приедете-то? — снизошла Мила до родственного тона.

— Не знаю... Но завтра, вернее, уже сегодня у них какая-то встреча... Кажется, поедут к своему общему другу, он здесь большая шишка... В ресторане будут сидеть. А вот чем я займусь — ума не приложу...

— По магазинам, ма, по магазинам... А вечером составишь компанию жене именинника... Как бишь его?

— Валерий.

— Вот! Все, ма, спокойной ночи... Ложись. И постарайся расслабиться.

Ирина закрыла телефон. Вот теперь она точно не уснет. Мила. Она — и как будто не она. Голос вроде ее, но тон словно чужой... Она всегда была такой ласковой, нежной. Идеальная дочь. И вдруг это «ма»... Капризная, раздраженная... Какая-то искусственная.

Конечно, глупо предполагать, что это на самом деле не она. Но Ирина с ее живым воображением быстро представила себе, что квартира разграблена, что там вповалку спят какие-то

посторонние люди, и среди них та самая девушка, которая разговаривала с ней вместо дочери...

А что? Она запросто могла спутать голоса. Телефон ведь искажает. И почему только она не догадалась расспросить ее о чем-нибудь таком, известном только двоим...

Она снова набрала номер. На этот раз Мила ответила сразу.

— Мам, ну ты чего? На самом деле так плохо?

— Да нет... Мила, скажи, мне никто не звонил?

— О боже! Мама, а ты не могла подождать до утра?

— Дочка, ну почему ты так разговариваешь? Грубишь?

— Я? Ты что? Просто я сплю...

— Так мне звонил кто или нет?

— Тетя Галя звонила, говорит, что перенесла свой день рождения, не хочет отмечать без тебя. И все с ней согласились...

— Ладно, извини... Больше сегодня звонить не буду.

— Так когда вы вернетесь?

— Я не знаю. А ты... ты что, соскучилась?

— Конечно...

— Целую тебя, милая...

— «Милая Милочка!» — передразнила ее Мила, и это был их пароль, знак, что они друга друга прощают, все в порядке. — И я тебя тоже целую. Успокойся. Все хорошо.

Теперь все было на самом деле хорошо: Ирина убедилась, что это действительно Мила. Закрыла телефон, выключила лампу и легла. Обняла мужа, прижалась к нему, и ей показалось, будто бы его сладкий сон накрыл и ее с головой...

3

14 февраля 2010 г.

Лиза Травина, адвокат, вернувшись из суда, где участвовала в двух заседаниях, расположилась на диванчике в своем офисе. Она страшно устала, но предстояло еще подготовиться к завтрашнему, очень сложному процессу. Вместо того чтобы отправиться домой, к мужу, она решила передохнуть немного здесь, почитать завтрашнее дело, и только потом позволить себе расслабиться.

Ее помощница, Глафира Кифер, заваривала чай в кухне, чтобы успеть напоить Лизу до того, как та уснет.

— Послушай, Лиза, разве можно так много работать? Посмотри, на кого ты стала похожа! Кожа и кости! Да тебя скоро твой Дима бросит. Вот вспомнишь потом меня... Вы оба столько зарабатываете, что могли бы позволить себе несколько лет вообще не работать! Жизнь прекрас-

на и удивительна, а вы с ним, вместо того чтобы радоваться, грузите себя одной работой...

Глафира, энергичная пухленькая молодая особа с большой грудью, внесла в приемную поднос с чаем и булочками.

— Вот, поешь, потом, так и быть, разрешаю тебе немного отдохнуть, даже поспать...

Лиза открыла глаза, вздохнула и нехотя поднялась с дивана. Это была худенькая русоволосая молодая женщина редкой красоты — лицо не портили даже признаки явного переутомления.

— Глашенька, я все понимаю... Но что поделать — работа у меня такая. Суды, суды, а это целые тома уголовных дел, и изучать их надо очень внимательно...

— Знаю-знаю, за ними стоят человеческие судьбы... Но у тебя-то тоже есть своя судьба, своя жизнь, свое здоровье, наконец. Мне так тебя жалко...

— Ты не жалеяй меня, у меня все в порядке. И спасибо за чай. Ты не представляешь себе, как же я рада, что ты у меня есть. Идеальная помощница.

Лиза приняла из ее рук чай и сделала несколько глотков.

— Замечательно! Просто замечательно. За окном ветер, холод, словом, февраль, а ты приносишь мне чашку крепкого свежезаваренного чая! Всегда знаешь, что я хочу...

Замурлыкал телефон, Лиза встrepенулась. Она знала, кто это.

— Дима? Привет, родной. Да, все закончилось. Можешь нас с Глашей поздравить... Все в нашу пользу. Домой? Пока не могу. Сейчас вот в офисе чай пью — мне надо еще немного поработать... Нет, я просто не дотащу все эти папки... К тому же, согласиcь, ну совсем нерабочая обстановка. Так и хочется завалиться под одеяло, закрыть глаза... А у меня завтра с утра процесс по делу Терентьева. Да-да. Того самого. Знаю, что это он убил, но я же адвокат, надо будет как-то вытаскивать его... Он же в душе не преступник. Ну, был в состоянии аффекта... Я всегда стараюсь представить себе, что чувствовал человек, когда убивал другого... Что? Ах, да... Конечно, страшно. И мне страшно, и Глаше тоже. Но мы любим свою работу, как и ты — свою. Ладно, потерпи немножко, поспи... Приду — обязательно разбужу. Поестъ найдешь в холодильнике. Да-да, Глашины котлеты. Что делать, если я нигде не успеваю, а домашнего хочется? Ладно, дорогой, целую... Что?

Она посмотрела на Глашу.

— Я забыла... Совершенно забыла... Нет, я понимаю, конечно, что это не наш, не российский праздник, но все равно... Надо было, конечно, отметить. Дима, ты прости меня... Но мне действительно надо еще немного поработать, иначе я буду завтра бледно выглядеть в суде. Хорошо, целую еще раз...

Лиза положила трубку.

— Вот так, Глафира. Сегодня, оказывается, День святого Валентина, Дима ждал меня, накрыл стол... Жаль, что все так получилось... Скоро бросят нас наши мужья. Твой Адам тоже, наверное, заждался. Ты иди... Может, Адам тоже тебя ждет?

— Это несерьезный праздник, — попробовала утешить Глафира. — И больше для молодежи.

— А мы с тобой кто?

— Взрослые деловые люди. А мужья подождут. Я тебя одну не оставлю.

— Глупости, Глаша. Я стану тупо изучать дело, а ты иди домой, я серьезно. Не бойся, премиальных все равно не лишу.

Она устало улыбнулась. И в эту самую минуту раздался звонок в дверь. Глаша, пожав плечами — мол, и кого это принесло, как-никак восьмой час, — пошла открывать, взглянула в дверной глазок. В свете фонаря, подвешенного над крыльцом офиса, увидела женщину, съежившуюся от холода. Открыла.

— Добрый вечер. Смотрю — свет горит, думаю, Лиза здесь... — сказала женщина, стуча зубами от холода. — Моя фамилия Семенова. Надя Семенова. А вы, вероятно, Глафира. Мне Лиза рассказывала.

— Проходите, пожалуйста. — Глаша впустила посетительницу. Понимая, что она является, ско-

рее всего, знакомой Лизы, не стала ее представлять, а отошла в сторону, продолжая внимательно наблюдать за происходящим. Вот только что она отправляла Лизу домой, твердила ей о здоровье и о том, что нельзя так себя гробить, и вдруг — посетительница. Глаза испуганные, голос дрожит. Что-то произошло. Иначе бы не пришла в такую погоду и так поздно.

— Надя? — Лиза поднялась ей навстречу. На лице ее появилась слабая улыбка, как у человека, который мгновенно оценил ситуацию и понимает, что сейчас не до улыбок, хотя он и рад видеть гостя. — Что случилось?

— Мне надо с тобой поговорить. Я понимаю, ты — человек занятой, у тебя и без меня много дел, но речь о моей сестре, и если ты не сможешь, то никто не поможет...

— Лена? Что с ней? Да ты проходи, Надя, садись, пожалуйста. Вот, познакомьтесь, это Надежда, — представила она посетительницу, — а это — моя помощница Глафира. Ей, Надя, ты можешь доверять так же, как и мне.

Надежда как-то нервно, суетливо осмотрела комнату, как бы ища глазами место, куда именно можно сесть. Глаша с хозяйским видом подошла и молча приняла у нее из рук шубу, шапку, после чего проводила вконец растерявшуюся посетительницу к стулу, чтобы та могла расположиться точно напротив Лизы, сидящей за огромным пись-

менным столом, загроможденным кипами уголовных дел и многочисленными томами юридической литературы («Глаша, ты ничего не уберешь с этого стола, мне нужно, чтобы все это было под рукой!»).

— Ну, рассказывай, так что там случилось? — спросила Лиза. — Да, кстати, я не сказала тебе, Глаша, это моя одноклассница...

— Господи, сейчас все это кажется каким-то нереальным, — пробормотала бледная Надежда. — Наша школа, класс, какие-то веселые ожидания... Тогда все казалось радужным, мы были настроены идти по жизни с улыбкой. Однако жизнь оказалась такой жестокой... Да и зачем я все это говорю, если ты, Лиза, завалена, я же вижу, кипами уголовных дел, ты, как никто, знаешь, как много вокруг несправедливости, страшных людей, убийц, насильников... Честно говоря, когда я узнала, что ты — ведущий в городе адвокат и по ходу еще сама помогаешь расследовать какие-то дела, что к тебе вообще не пробьешься, настолько ты занята, я удивилась. И не потому, что сомневалась в твоих способностях, скорее наоборот, я еще в школе оценила, какая ты умница, ты же так легко училась, у тебя всегда была прекрасная память и умение ладить с людьми... Нет, просто я хотела сказать, что ты всегда была человеком эмоциональным, хрупким, честным, ранимым, как цветок... И теперь вот разгребашь нежными руками все это... всю эту грязь!

— Такая работа, — пожалала плечами Лиза. Глафира отметила, что она с приходом посетительницы явно прибодрилась. А ведь еще недавно выглядела такой утомленной. Что это? Любопытство, которое придало сил, или желание помочь подруге, даже не зная, о чем пойдет речь?

— Так что случилось с Леной?

Надежда, потерев ладошкой влажный лоб, розовый от тесной меховой шапки, и проведя пальцами по примятым каштановым кудрям, вздохнула.

— Моя Лена... Ты же ее хорошо знаешь. Так вот, она давно уже работает в школе, учительницей физики. Прекрасный педагог. Очень любит детей...

— Сериал «Школа» почему-то вспомнился, — оживилась Лиза. — Неужели сейчас в школе все так, как там? Или это преувеличено? Знаешь, я посмотрела всего несколько серий, да и то урывками, просто сидела здесь, у себя, и ждала, когда на экране появится строчка очень важного для меня объявления... Мы тогда искали одного человека... Так вот, я просто вынуждена была смотреть этот сериал. И, признаюсь, у меня волосы встали дыбом, когда я погрузилась в эту атмосферу, и поблагодарила бога за то, что я стала юристом, а не педагогом... Как-то страшно стало за учителей. Ты извини, что я отвлеклась, но мне уже заранее Лену жалко...

— Вот! Ты попала в самую точку! — почти вскрикнула Надежда. — Понимаешь, может, другие учителя и испытывали сложности с этим одиннадцатым «Б», но на уроке Лены все сидели как шелковые и изучали физику. Я не могу сказать, что она была строгой учительницей, она относилась к детям, я бы сказала даже, с нежностью, но у нее был свой подход к ним, она умела им внушить: то, чему она учит, пригодится им в жизни. И не учиться — нельзя...

Лиза нахмурила брови.

— Я не поняла, Надя... Почему ты говоришь о сестре в прошедшем времени?

— Нет-нет, может, я не так выразилась, Лена жива и здорова... Хотя уже не так здорова... словом... Вот!

И она с готовностью, резким движением вынула из кармана шубы смятый листок и протянула Лизе.

— Это ксерокопия, которую мне удалось получить в милиции...

Лиза расправила листок на столе, и они с Глашей прочли:

«В моей смерти прошу винить Елену Александровну Семенову. Устала от унижений и оскорблений. Не поминайте лихом... Мила. Прости меня, мама...»

Лиза подняла голову.

— Что это? Кто это написал?

— В ее классе девочка одна, отличница, представляешь? Мила Казанцева... — Уголки губ Нади опустились, лицо задрожало: — Ее нашли мертвой. У себя дома! Вчера вечером.

— Мертвой?

— Да, и с этой запиской на столе. Девочка приняла яд. Какой, пока неизвестно. Просто налицо все симптомы отравления. Лиза, умоляю тебя, позвони кому нужно, узнай, что за яд? И точно ли это почерк той девочки?

— Где твоя сестра?

— Дома. Никаких официальных санкций еще не было, она даже не успела еще дать подписку о невыезде, но ты же понимаешь — ее могут обвинить по статье «доведение до самоубийства». Но она никого и никогда не могла бы довести до самоубийства! Полная чушь!!! Лиза, ну что ты молчишь?

— Думаю, что можно сделать. Во-первых, не паникуй. Различные ситуации бывают в жизни, может, это чья-то злая шутка? Хотя... Подожди. У меня у самой в голове все перемешалось. Умом я понимаю, что Лена — не тиран, она по природе своей как будто бы не могла... Но люди меняются, Надя. Ты не осуждай меня за подобные слова, просто этот сериал про школу произвел на меня неизгладимое впечатление. Думаешь, я просто так посмотрела и забыла? Ничего подобного. Меня заинтересовало, действительно ли все так обстоит на самом деле. И я, бывая в гостях, где

есть дети-подростки, задавала один и тот же вопрос: и у вас так же? Знаешь, что мне ответили дети? Девяносто процентов сказали, что у них еще похлеще... Вот я сразу и подумала: а что, если твоя сестра просто не совладала с собой, понимаешь, и наговорила девочке, которая ее доставала, лишнее? Оскорбила ее и, может быть, даже унизила? Сказала, к примеру, что у нее нет мозгов или что-нибудь в этом роде... Только все равно — от этого не кончают с собой. Вот если бы была настоящая травля, о которой знал бы весь класс...

— Прошло слишком мало времени, я правильно понимаю? — спросила Глаша. — Детей еще никто не опрашивал.

— Как раз сегодня опрашивали. Но мне-то ничего не известно. Лиза, прошу тебя, будь адвокатом Лены, помоги ей. Как бы она не наговорила лишнего.

— Но ее наверняка уже допрашивали или просто проводили предварительную беседу, так?

— Да, конечно... Меня там не было, но я потом спрашивала ее, она сказала, что все отрицала. На самом деле у Милы в последнее время было не очень-то хорошо с физикой, она получила двойку по самостоятельной, но это же случается с каждым. Конечно, девочка могла привыкнуть к пятеркам, но двойка — разве это катастрофа, из-за которой можно глотать яд?

— Что-то здесь не так... Думаю, надо подож-

дать, когда будут готовы результаты экспертизы и вскрытия. Может, девочка была беременна или изнасилована... Или записку писал кто-то другой, пытаюсь подделать ее почерк. Нет, физика здесь на самом деле ни при чем... Хорошо, Надя, я согласна стать адвокатом твоей сестры, но для этого я должна встретиться с ней, подписать соглашение, только после этого меня допустят к материалам дела.

— Она ждет тебя.

— А почему сама не пришла?

— За ней ведь могут прийти в любую минуту...

Она — комок нервов. Господи, какой ужас! Вот так живешь, никого не трогаешь, и вдруг на тебя заводят уголовное дело...

Надя вздрогнула — зазвонил мобильный телефон. Она схватила трубку, предполагая, вероятно, что это сестра. И, услышав знакомый голос, напряглась:

— Что? Что с тобой? Подожди... Не так быстро... Кого нашли? Нет, этого не может быть... Нет...

4

14 февраля 2010 г.

Сказать, что Валентина Шляпкина ожидала увидеть в своем электронном почтовом ящике поздравления многочисленных виртуальных муж-

чин, — ничего не сказать. Их должно быть много, ведь последнее время она только и делала, что общалась по Интернету с лицами противоположного пола. Это было интересно, приятно и, главное, безопасно. Как-то так сложилось, что многие одинокие ровесницы из ее окружения влипали в опасные истории, связанные с новыми знакомствами. Тихие алкоголики, откровенные пьяницы, бомжи, аферисты... Интернет же позволял, не выходя из комнаты, общаться с мужчинами и даже строить подобие любовных отношений.

Сегодня, в День святого Валентина, ее должны завалить виртуальными подарками, букетами, поздравлениями, стихами... И весь этот призрачный ворох счастья она должна получить вечером, открыв свой компьютер. На работе не хотелось — еще увидит кто-нибудь из коллег. Она начальник отдела, за дисциплиной следит строго и никому из своих подчиненных не позволяет использовать компьютер в личных целях. К тому же куда приятнее читать поздравления и многочисленные послания дома, в тихой привычной обстановке.

Тамары наверняка дома не будет. Да даже если бы и была! Дочь никогда не мешала ей — никогда и ни в чем. Ей повезло. Тихий, спокойный, ласковый ребенок. Хорошо учится, с одноклассниками дружит. Над некоторыми и вовсе взяла ненавязчивое шефство...

Однако Валентина никак не могла предположить, что День всех влюбленных ознаменуется не только виртуальными поздравлениями. А оказалось, он украсится присутствием реального и очень симпатичного мужчины, ее коллеги по работе, который ей всегда нравился, но никогда прежде не проявлял к ней интереса. Достойный во всех отношениях молодой еще вдовец, как оказалось, был открыт для новых отношений и выбрал именно ее, Валентину, чтобы провести с ней вечер. Он зашел к ней в кабинет в конце рабочего дня и пригласил в ресторан. Очень просто прибавил, что она давно ему нравится, но он не осмеливался сказать об этом, но сейчас, когда в воздухе пахнет любовью (так и сказал!), ему хочется провести вечер в обществе приятной женщины. Он сказал, что заедет за ней в восемь вечера. А когда вышел из кабинета, она вдруг поняла, что никогда не давала ему адреса и что он каким-то образом сам узнал его. Может, ему помогли в отделе кадров, может, проследил, когда она возвращалась с работы... В любом случае приятно, что Роман Станиславович оказался таким «мужчинистым», решился подойти к ней и пригласить в ресторан.

Домой она летела, прикидывая в уме, во что нарядиться. Вечернее платье или что-нибудь попроще? Решила, что наденет свою любимую декольтированную блузку и пышную, такую же, как у Тамары, юбку до середины колена, из серой

перламутровой органзы, чтобы подчеркнуть красоту длинных стройных ног. И колготки наденет черные, прозрачные, тонкие-претонкие...

Вся ее виртуальная жизнь, в которой она томилась последние пару лет, сразу отошла на второй план, и ей было уже не так интересно открывать компьютер. Она стремительно ехала на своей машине по центральной улице города, отмечая про себя, что, хотя на улице так морозно и ветрено, люди, которых она видела из окна, выглядят счастливыми, нарядными, все куда-то спешат — вероятно, навстречу любви.

Кто знает, как у нее, Валентины, сложатся отношения с Романом? Он — ведущий специалист в фирме, где она работает, уважаемый человек. Она знала, что многие ее приятельницы мечтали бы провести с ним вечер, да только за ним закрепились репутация безутешного вдовца. Поговаривали, что у него после смерти жены не было вообще ни одной попытки как-то наладить личную жизнь. Она точно знала, что, во всяком случае на работе, у него не было ни одного романа, он ни с кем не встречался, а ведь красивых одиноких женщин у них очень много. Однако в ресторан сегодня пригласил именно ее, Валентину!

Ей даже захотелось, чтобы Тамара была дома — не терпелось рассказать дочери о приглашении. Они понимали друг друга и всегда прекрасно ладили.

Валентина оставила машину возле подъезда, на своем, отвоеванном у соседа, месте, быстро поднялась на лифте на девятый этаж и только сейчас вспомнила, что же портило ей настроение с самого утра. Она напрочь забыла об этом после визита Романа. Нет, какое-то неприятное и тяжелое чувство продолжало сидеть где-то глубоко в душе, но мозг словно заблокировал утреннее известие о чужом горе. Оно вернулось к ней саднящим воспоминанием только сейчас, когда она увидела дверь своих соседей Казанцевых. Умерла Мила, их дочь. Чудесная девочка, круглая отличница и подруга Тамары. Вроде отравилась. И оставила после себя записку, мол, в моей смерти прошу винить учительницу по физике — Елену Александровну Семенову. Полная чушь — так подумала о причине смерти Валентина, когда безутешная мать Милы, Ирина, рассказала ей о несчастье. Валентина лично была знакома с физичкой и считала ее прекрасным педагогом. Во всяком случае, после того, как она стала вести физику, Тамара с троек перешла на четверки и даже на пятерки, она говорила, что Елена Александровна очень хорошо все объясняет, у нее на уроке не приходится трястись от страха, теперь она понимает некоторые вещи, о которых прежде имела лишь самое смутное представление и должна была принимать просто как данность. К тому же — Валентина это знала тоже от Тама-

ры — дисциплина на уроке физики (чего нельзя сказать о других предметах и учителях) позволяла ученикам проходить программу даже с опережением плана, а потому оставалось время на дополнительные лабораторные работы, которые Тамара так любила. Словом, все, что знала Валентина о Елене Александровне от своей дочери, выглядело умиротворяюще, да и сама Тамара, услышав о смерти подруги, пришла в недоумение.

Понятное дело, что вместо того чтобы радоваться и веселиться в День святого Валентина, одноклассники находились в трауре. И Тамара собиралась пойти в школу в черном платье. Что ж, правильно, поддержала ее Валентина.

И вот сейчас она стояла перед дверью Казанцевых и представляла, как через день-два здесь появится зловещий спутник смерти — угрожающего вида крышка гроба...

Ее даже передернуло от ужаса. Она поспешила открыть дверь собственной квартиры и решила про себя, что не станет рассказывать дочери о предстоящем свидании. И постарается вообще выскользнуть из квартиры тихо и незаметно, чтобы Тамара не увидела ее в короткой юбке и открытой блузке. Тогда уж наверняка начнутся вопросы и Валентина почувствует себя неуверенно...

Она вошла в квартиру, разулась и прошла внутрь, на ходу снимая шапку, шубу.

— Тома-а!!! — звала она. — Томочка-а!!!